На правах рукописи

Плотников Илья Михайлович

КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В СУРГУТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Новосибирск – 2025

Работа выполнена в секторе языков народов Сибири федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель – заведующая сектором языков народов Сибири федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор Кошкарева Наталья Борисовна.

Официальные оппоненты:

профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», доктор филологических наук, доцент Новицкая Ирина Владимировна;

доцент кафедры языков народов Сибири института иностранных языков и международного сотрудничества федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Томский государственный педагогический университет», кандидат филологических наук, доцент Ковылин Сергей Васильевич.

Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук».

Защита состоится 4 декабря в 15:00 на заседании Диссертационного совета 24.1.142.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) на базе федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
Тел./факс: +7 (383) 330 15 18.
Электронный адрес: dissovet24.1.142.01@mail.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8).

Полный текст диссертации доступен по адресу:
https://www.philology.nsc.ru/dissovet24/disser/Plotnikov/Плотников.%20Коммуникативная%20вариативность%20ТСС%20бытийно-пространственного%20блока.pdf.

Автореферат разослан: 8 октября 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор Н. Б. Кошкарева

Общая характеристика работы

Настоящая работа посвящена коммуникативному варьированию бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка. Этот идиом традиционно рассматривается как диалект, входящий в восточную группу диалектов хантыйского языка, который относится к финно-угорской ветви уральской языковой семьи. В последние годы получила распространение альтернативная точка зрения, согласно которой рассматриваемый идиом является языком, называемым *сургутско-хантыйским* или *сургутским* [Коряков, Давидюк, Харитонов, Евстигнеева, Сюрюн 2022: 74–75], что отражает его существенное отличие от других хантыйских идиомов, подтверждаемое, среди прочего, данными лексикостатистики [Федотова 2022]. В рамках настоящей работы употребляется, в соответствии с устоявшейся традицией, термин *сургутский диалект*.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. [1], 41663 человека, проживающих на территории Российской Федерации, считают себя представителями народа ханты, из которых 8664 (около 21 %) указали, что владеют хантыйским языком. О владении хантыйским языком заявил также ряд представителей народов, проживающих на смежных с хантами территориях (русские, коми, манси, ненцы). Суммарно на территории Российской Федерации по данным переписи насчитывается 9230 носителей хантыйского языка.

Сургутский диалект распространён среди ханты, проживающих на территории восточных районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского), а также смежных с ними районов Тюменской области и Ямало-Ненецкого автономного округа [Чепреги 2017: 16]. Определение количества носителей сургутского диалекта затруднено, так как в переписи не отражено распределение носителей хантыйского языка по диалектам. На основании данных, собранных в экспедициях А. С. Песиковой, количество носителей сургутского диалекта оценивается в 3000 человек [Чепреги 2017: 18], в то время как в базе данных проекта «Языки России» приводится оценка в 2000 человек [Коряков, Давидюк, Харитонов, Евстигнеева, Сюрюн 2022: 75]. Статус витальности сургутского диалекта оценивается как «локализованный», т. е. с сохранением межпоколенческой передачи в относительно небольшом ареале расселения носителей языка и наблюдаемой тенденцией к сокращению числа носителей [Там же].

Объектом исследования являются типовые синтаксические структуры (ТСС) сургутского диалекта хантыйского языка, относящиеся к бытийно-пространственному блоку (ТСС бытия, движения и перемещения).

---

[1] Всероссийская перепись населения 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 08.09.2025).

Предметом исследования является коммуникативная вариативность рассматриваемых ТСС, т. е. принципы варьирования, обусловленные их функционированием в речи.

Актуальность работы обусловлена рассмотрением парадигматики синтаксических структур через призму коммуникативного синтаксиса – направления, сформировавшегося под влиянием функционального структурализма и получившего в последнее время широкое распространение в работах, касающихся множества аспектов языковых систем, ранее не становившихся объектом специального изучения (порядка составляющих, интонации, коммуникативных функций грамматических категорий и специальных частей речи). В этом контексте актуальной является разработка подходов, формирующих представление о коммуникативной парадигматике как единой комплексной системе, образуемой множеством взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов. Актуальность исследования также определяется статусом витальности рассматриваемого идиома, который обусловливает необходимость сбора и систематизации материалов, отражающих языковое и культурное богатство сургутских ханты.

Цель настоящего исследования заключается в системном представлении коммуникативного варьирования как одного из аспектов парадигматики бытийно-пространственных ТСС в сургутском диалекте хантыйского языка.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решаются следующие **задачи**:

1) охарактеризовать структурно-семантические свойства, определяющие место бытийно-пространственных ТСС в системе синтаксических единиц сургутского диалекта хантыйского языка;

2) рассмотреть специфику устройства бытийно-пространственных ТСС как способа выражения бытийно-пространственных значений в типологической перспективе;

3) определить набор формальных средств, задействованных в коммуникативном варьировании рассматриваемых ТСС, и характер их функционирования в отдельных типах их реализаций;

4) выделить коммуникативные варианты каждой ТСС и сопоставить устройство образуемых ими парадигм;

5) установить типологически значимые признаки коммуникативной парадигматики бытийно-пространственных ТСС как компонента коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка с учётом ареального и генетического контекста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Типовые синтаксические структуры бытия, движения и перемещения сургутского диалекта хантыйского языка образуют единый блок бытийно-пространственных типовых синтаксических структур, что обусловлено общностью их прототипической семантики (пространственная ситуация) и путей ее развития, а также наличием общего структурного компонента (локализатора) с рядом

однотипных способов выражения. Различие между этими ТСС обеспечивается тремя компонентами: объектом, наличие которого является спецификой ТСС перемещения, локализатором, структурное и семантическое устройство которого обеспечивает противопоставление между реализациями ТСС со статической и динамической семантикой, и предикатом, который выражается глаголами, в семантику которых включено представление о статичности / динамичности ситуации и о наличии / отсутствии внешнего воздействия на пространственную ситуацию (каузации).

2. Типологическая специфика устройства бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка с точки зрения выражения ими пространственной ситуации определяется рядом комплексных способов выражения локализатора, обеспечивающих его преимущественный вклад в представление о пространственной ситуации с точки зрения ее геометрической и динамической организации, что позволяет рассматривать хантыйский как язык сателлитного типа в классификации Л. Талми.

3. Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных ТСС обеспечивается использованием совокупности формальных средств, среди которых ключевая роль отводится варьированию порядка составляющих и фразовой интонации. Кроме того, в их варьировании неравномерно задействованы три типа конструктивных оппозиций (обусловленные залогом, типом спряжения и стратегией маркирования объекта и локализатора), наличие и конкретные механизмы реализации которых составляют характерную черту каждой ТСС или отдельных вариантов их реализации.

4. Типовые синтаксические структуры бытия, движения и перемещения характеризуются общей моделью коммуникативной вариативности, обусловленной как сходством их структуры и семантики, так и функционированием в них принципов варьирования, общих для всей коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка. Ядро коммуникативной парадигмы этих ТСС составляет ряд базовых коммуникативных вариантов с устойчивой линейно-интонационной структурой, обусловленной выбором одного из структурно-семантических компонентов ТСС в качестве ядерного компонента ремы. Для каждого базового варианта наблюдается ряд вторичных оппозиций, обусловленных варьированием порядка составляющих и употреблением конструктивных вариантов, которые характеризуются факультативностью и структурно-семантической ограниченностью.

5. Выделены два типологически значимых признака, характеризующих коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка. Во-первых, потенциальная область ремы в высказывании может рассматриваться как ограниченная предикатом и предшествующим ему компонентом, между которыми допустимо появление одного компонента ограниченного типа (локализатора, выраженного наречной группой или личным местоимением). Допустимость помещения таких компонентов в позицию между рематическим компонентом и предика-

том составляет специфику сургутского диалекта хантыйского языка на фоне других языков с ограниченной потенциальной областью ремы. Во-вторых, порядок составляющих сургутского диалекта хантыйского языка характеризуется ограниченной вариативностью, которая обеспечивает возможность применения стратегии передвижения рематических компонентов в предпредикатную позицию как основного средства выражения базовых коммуникативных оппозиций, но ограничивает размещение компонентов в позиции после предиката. Наличие этого ограничения отличает рассматриваемый диалект от языков со сходными стратегиями варьирования порядка составляющих, но большей его вариативностью. Рассмотрение коммуникативных систем других языков с учетом выделенных признаков показывает, что в сургутском диалекте хантыйского языка представлен устойчивый тип коммуникативной системы, широко распространенный среди типологически и генетически разнородных языков западносибирского ареала.

Новизна исследования заключается в том, что на материале рассматриваемого идиома впервые проводится анализ коммуникативного функционирования ТСС бытийно-пространственного блока, учитывающий широкую совокупность факторов, как общих для всей коммуникативной системы языка, так и отражающих коммуникативную специфику рассматриваемых ТСС. Проведен анализ структуры и семантики ТСС бытия, движения и перемещения, позволивший обосновать их выделение в единый блок бытийно-пространственных ТСС и определить границы реализации этих единиц. Установлена специфика употребления рассматриваемых ТСС как средств выражения пространственных значений в типологической перспективе, обусловленная распределением компонентов пространственной семантики между локализатором и предикатом и способами кодирования этих компонентов, представленных в комплексной структуре локализатора. Выявлен круг формальных средств, задействованных в коммуникативном варьировании бытийно-пространственных ТСС, рассмотрены возможности варьирования этих средств, специфика их проявления в парадигме каждой ТСС и объем их коммуникативных функций. В результате этого анализа предложено описание коммуникативной вариативности каждой ТСС в виде коммуникативной парадигмы, рассмотрены наборы оппозиций, представленных в этих парадигмах, что позволило выявить общую модель линейно-интонационной вариативности рассматриваемых ТСС и выделить частные черты каждой из парадигм. Проведен типологически ориентированный анализ коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка, который позволяет рассматривать её как репрезентирующую устойчивый тип коммуникативных систем, в разной степени представленный и в других языках Западной Сибири.

Теоретическая значимость работы заключается в формировании подхода, комбинирующего компоненты структурно-семантического и коммуникативного анализа, который позволяет описывать явления, находящиеся на стыке разных аспектов функционирования синтаксических единиц.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды исследователей, заложивших основы анализа предложения как единицы языка в рамках лингвистического структурализма (Ф. де Соссюр, А. Сеше, Ш. Балли, С. И. Карцевский, В. Скаличка, В. Матезиус, Л. Ельмслев, Л. Блумфилд, Л. Теньер) и развивавших заложенные ими подходы в рамках традиций структурного-семантического (Т. П. Ломтев, Н. Ю. Шведова, В. А. Белошапкова, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Шмелёва) и функционального синтаксиса (П. Адамец, И. И. Ковтунова, В. Г. Гак, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Т. Е. Янко, Я. Фирбас, Ф. Данеш, Т. Гивон, К. Ламбрехт, Р. Ван Валин). Кроме того, в качестве теоретической базы привлекаются работы исследователей, разрабатывающих различные аспекты морфологии и синтаксиса хантыйского языка (М. И. Черемисина, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар, И. А. Николаева, М. Чепреги, С. Соса) и способов выражения бытийно-пространственных значений (Л. Талми, И. А. Невская, В. В. Шилова, С. С. Буторин, А. Н. Чугунекова).

Материалом для исследования послужил корпус, состоящий преимущественно из фольклорных и художественных текстов на сургутском диалекте хантыйского языка, общий объем основных подкорпусов которого составляет 11646 высказываний. Основные выводы работы основаны на анализе выборки, содержащей 1640 реализаций бытийно-пространственных ТСС.

В работе используются общелингвистические **методы**, такие как наблюдение, систематизация и классификация, а также специфические методы, обусловленные поставленными задачами: метод моделирования, применяемый при выделении ТСС и анализе их коммуникативной вариативности, и метод выявления оппозиций, используемый для характеристики места определенных средств выражения коммуникативной вариативности в системе. Использованные в работе материалы обработаны с применением методов глоссирования и сегментации. При работе с носителями идиома использовались экспериментальные методы полевого исследования: анкетирование, элицитация, конструирование коммуникативной ситуации.

Апробация и публикация результатов. По результатам исследования опубликованы пять статей: три в изданиях, входящих в перечень ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, две – в изданиях, индексируемых международной базой данных Scopus, а также семь публикаций в материалах конференций. В ходе работы была также подготовлена и зарегистрирована база данных, приравниваемая к публикации ВАК.

Результаты исследования изложены в виде девяти докладов на международных и всероссийских конференциях: на Международной научной студенческой конференции (г. Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2021–2023 гг.), на международной конференции «Дульзоновские чтения» (г. Томск, Томский государственный педагогический институт, 2023 г.), на Всероссийской конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2021–2023 гг.), на Конференции

по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2024 г.) и на Первом Евразийском конгрессе лингвистов (г. Москва, Институт языкознания, 2024 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка условных сокращений, литературы и источников, а также двух приложений. В первой главе характеризуется типовая синтаксическая структура и её коммуникативная вариативность как объект и предмет исследования. Во второй главе рассматриваются структурное и семантическое устройство бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка: определяются их признаки и границы, анализируются способы выражения их компонентов и основные направления их семантического варьирования, дается общая типологическая характеристика способов выражения пространственных значений в рассматриваемом диалекте. В третей главе описывается коммуникативная вариативность выделенных ТСС: рассматриваются механизмы варьирования с точки зрения порядка составляющих, интонации и конструктивного устройства, на основе этого анализа конструируется система их коммуникативных вариантов, которая затем рассматривается в типологической перспективе.

Список литературы включает 257 единиц, в том числе 73 наименования на иностранных языках. В работе имеется 64 таблицы, 1 схема и 6 рисунков.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснован выбор темы исследования, определены объект и предмет, цель и задачи, актуальность и новизна работы, охарактеризованы материалы и методы, приведены положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Принципы моделирования структуры, семантики и коммуникативной парадигматики синтаксических единиц» посвящена рассмотрению используемых в работе подходов к анализу синтаксических единиц. Она состоит из двух частей. **Параграф 1.1** посвящен описанию принципов выделения структурно-семантических единиц синтаксиса, сложившихся в рамках структурной лингвистики, и обоснованию рассматриваемого в работе понятия типовой синтаксической структуры (ТСС). В **Параграфе 1.2** охарактеризован подход к моделированию коммуникативной вариативности ТСС, в основе которого лежит представление о коммуникативном варианте ТСС как двухсторонней единице, план выражения которой отражает комплексную систему способов формального варьирования ТСС, а план содержания – представление о предназначенности компонентов ТСС для выполнения определённых коммуникативных функций.

Глава 2 «Структура и семантика типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в сургутском диалекте хантыйского языка» посвящена описанию устройства бытийно-пространственных ТСС как объекта исследования.

В **параграфе 2.1** дана характеристика эмпирического материала, на котором основано исследование, методов его обработки и представления.

В **параграфе 2.2** рассматривается пространственная ситуация как компонент семантики, обусловливающей смысловое единство бытийно-пространственных ТСС. В структуре типовой пространственной ситуации выделяются три обязательных компонента: два предметных компонента, называемых *субъектом локализации* и *опорой локализации*, и устанавливаемое между ними *отношение локализации*. Отношение локализации включает представление о характере взаимного расположения субъекта и опоры (*тип локализации*) и об его изменчивости (*тип динамики отношения*). Анализ языковых средств выражения пространственных ситуаций также требует обращения к ряду других семантических компонентов, которые репрезентируют семантическое осложнение исходного пространственного отношения: пространственное отношение субъекта к иным фоновым опорам, подвижность или неподвижность субъекта и опоры, каузация пространственного отношения, представление о существовании и количественности субъекта.

В **параграфе 2.3** обосновываются используемые в работе принципы выделения и анализа бытийно-пространственных ТСС. Ядром каждого из выделяемых ТСС является предложение, обозначающее устойчивый тип пространственной ситуации. Такие ситуации мы, следуя сложившейся традиции, обозначаем терминами *бытие* (некаузируемая статическая локализация), *движение* (некаузируемая динамическая локализация) и *перемещение* (каузируемая статическая или динамическая локализация). В общем виде соответствующие им предложения репрезентируются следующими моделями и примерами [2]:

$$N^{S}_{NOM}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT}\ \text{(бытие и движение)}$$
$$N^{S}_{NOM}\ N^{Ob}_{ACC}\ ^{3}\ LEX^{Loc}\ V^{Pr}_{FIN.ACT}\ \text{(перемещение)}$$

[2] В записи моделей и при глоссировании используются следующие условные обозначения: 1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ABL – отложительный падеж; ACC – винительный падеж; ACT – действительный залог; ADJ – словообразовательный аффикс прилагательного; APPRX – общенаправительный падеж; ASP – аспектуальный показатель; CONJ – союз; DAT – дательный падеж; DIM – диминутив; DU – двойственное число; FIN – личная форма глагола; IMP – повелительное наклонение; INSTR – творительный падеж; INTERJ – междометие; LAT – направительный падеж; LAT-DAT – вариативное употребление направительного или дательного падежа; LOC – локализатор; LEX – лексема без специфицированной частеречной принадлежности; MOM – показатель моментальности действия; N – существительное; NOM – именительный падеж; NPST – непрошедшее время; OB – объект; OBJ – объектное спряжение; OBL – косвенная форма личных местоимений; PASS – страдательный залог; PN – имя собственное; POSSM – обладаемое; POSSR – обладатель; PR – предикат; PRTCL – частица; PRTCL.CONJ – побудительная частица; PST – прошедшее время; S – субъект; SG – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение; TRANSL – превратительный падеж; V – глагол; ∅ – нулевой аффикс.

[3] Падежное оформление объекта варьируется в зависимости от способа его выражения: личные местоимения в этой позиции принимают специализированную форму, совпадающую с их косвенной основой (OBL), существительные и местоимения других разрядов – форму именительного падежа (NOM).

(1) *Киври ӷотнә ҷуминт тӳнтәӽ, юӽ вәйәп, кевәл вӳӆ* [Айпин 2003б: 48].
киври ӷот=нә чумин тӧнтәӽ йуӽ вәй=әп кэвәл=∅ вӧӆ=∅
колодец дом=LOC такой береста дерево ручка=ADJ ковш=NOM быть=SUBJ.3SG
‘В домике киври был берестяной ковшик с деревянной ручкой’ [Айпин 1986: 214].
‘В домике над колодцем был такой берестяной ковш с деревянной ручкой’ (перевод ИМП).

(2) *Панә чи кэњар ӷө њөрәма йӑӈӷиӆәӽ* [Три мудрых совета 2020: 4].
панә чи кэњар ӷө=∅ њөрәм=а йӑӈӷ=иӆ=әӽ
CONJ этот бедный мужчина=NOM болото=LAT ходить=MOM=PST.3SG
‘Тогда бедняк на болото сходил’ [Там же: 8].

(3) [*Әй, аӈкэнөшлиӈки,*] *ма нӳӈат сар кэра лӳкәмтәӆәм* [Чепреги 2015: 6].
ма=∅ нӳӈ=ат сар кэр=а лӳк=әмтә=ӆ=әм
я=NOM ты=ACC INTERJ печь=LAT броситься=ASP=NPST=SUBJ.1SG
‘[Ах ты, сучий сын,] мигом в печку тебя брошу’ [Там же: 60].

ТСС отражают возможности использования формально сходных построений для выражения непространственных значений, например:

(4) [*А вот*] *ньӑҳәӆ мантэмнә ӷыч…* [Айпин 2003б: 104].
ньӑӽ=әӆ=∅ ман=т=эм=нә ӷыч=∅
улыбка=POSSR.3SG=NOM я=OBL=DAT=LOC остаться=SUBJ.3SG
‘[Но] улыбка его осталась во мне…’ [Айпин 1986: 248].

Кроме построений с указанной структурой, к реализациям рассматриваемых ТСС мы относим ряд синонимичных построений с другой синтаксической структурой, которые мы называем *конструктивными вариантами*. Включение таких вариантов в парадигму ТСС обусловлено удобством анализа связанных с ними противопоставлений на уровне варьирования одной ТСС, а не конкуренции ряда синонимичных ТСС. Мы выделяем четыре типа конструктивных вариантов бытийно-пространственных ТСС, обусловленные (I) стратегией маркирования объекта и локализатора, (II) залогом, (III) типом спряжения и (IV) отсутствием эксплицитно выраженного предиката.

Конструктивный вариант типа (I) является характерной чертой парадигматики ТСС перемещения с адлокативной семантикой. Прототипические высказывания такого типа включают локализатор, выраженный именной группой в форме направительного (для существительных) или дательного (для личных местоимений) падежей и объект, выраженный именной группой в форме винительного падежа (лативно-аккузативная стратегия маркирования компонентов). Рассматриваемый конструктивный вариант включает локализатор, выраженный именной группой в форме винительного падежа, и объект, выраженный именной группой в форме творительного падежа (аккузативно-инструментальная стратегия маркирования компонентов). Эти варианты репрезентированы следующими моделями и примерами:

$$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{LAT\text{-}DAT}\ N^{Ob}_{ACC}\ V^{Pr}$$
$$N^{S}_{NOM}\ N^{Loc}_{ACC}\ N^{Ob}_{INSTR}\ V^{Pr}$$

(5) *…ма нӱӈаты өпэм мәӆәм* [Чепреги 2015: 6].
ма=∅ нӱӈ=ат=ы өп=эм=∅ мә=ӆ=әм
я=NOM ты=OBL=DAT старшая_сестра=POSSR.1SG=NOM давать=NPST=SUBJ.3SG
‘…отдам я тебе свою сестрицу’ [Там же: 60].

(6) *Ма нӱӈат ӷырәχат мәӆәм* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 195].
ма=∅ нӱӈ=ат ӷырәχ=ат мә=ӆ=әм
я=NOM ты=OBL мешок=INSTR давать=NPST=SUBJ.3SG
‘Я тебе мешок дам.’

Конструкции типа (II) мы называем *пассивными* и противопоставляем прототипическим *активным*. Основным признаком этих конструкций является выражение предиката глаголом в форме страдательного залога. Несмотря на наличие этого общего признака, эти конструкции образуют ряд конструктивных вариантов, различающихся с точки зрения способов выражения и маркирования других компонентов ТСС. Наиболее распространённый тип пассивных конструкций, который мы называем *стандартным пассивом*, характеризуется наличием двух предметных компонентов: субъекта, маркированного местным падежом (N^{S}_{LOC}), и второго компонента, маркированного именительным падежом (N^{X}_{NOM}), в качестве которого может выступать локализатор (7)–(8) или объект (9):

(7) *…тьи имиχән-икиχән моӌ ӷөнә йӧвтиχән* [Голоса Югана 2021: 87].
чи ими=χән-ики=χән=∅ мӧӌ ӷө=нә йӧвт=ы=χән
этот женщина=DU-мужчина=DU=NOM проезжий мужчина=LOC прийти=PASS=3DU
‘…к жене с мужем гости приехали.’

(8) *Панә чу йоχ ӆӱвнә йәӈкат туват* [Три мудрых совета 2020: 4].
панә чу йоӽ=∅ ӆӱв=нә йәӈк=ат тув=ат
CONJ тот люди=NOM он=LOC вода=INSTR нести=PASS.3PL
‘И этим людям воды принес’ [Там же: 8].

(9) *…иминә Кутюви ӌу ӷуӆ ӷот вәса вуχи…* [Айпин 2003а: 44].
ими=нә Кутюви=∅ чу ӷуӆ ӷот вәс=а вуӽ=и=∅
женщина=LOC PN=NOM тот рыба дом дыра=LAT звать=PASS=3SG
‘…хозяйка подозвала Кутюви к лазу…’ [Айпин 1986: 164].

Спецификой второго типа конструкций, традиционно называемым *безличным пассивом* (англ. *impersonal passive*), является отсутствие эксплицитно выраженного субъекта, что отражает его участие в формировании определённо-личных, обобщённо-личных и безличных высказываний:

(10) *Нөмән пә ӷӧӆнә вӑӆӆи?* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 213].
нөмән пә ӷӧӆнә вӑӆ=ӆ=и=∅
наверху PRTCL как жить=NPST=PASS=3SG
‘Наверху (на небе) как (можно) жить?’

(11) *Тьӑӷа тю тьӑвләк ӷутьәӈа ванχә йӑӈӷӆи* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 136].
чӑӷа чу чӑвләк ӷучәӈ=а ван=χә йӑӈӷ=ӆ=и=∅
PRTCL.CONJ тот кочка возле=LAT близкий=TRANSL ходить=NPST=PASS=3SG
‘Давай к этой кочке (быстренько) ближе подъедем.’

Третьим типом пассивных конструкций является *лексический пассив*, обусловленный существованием в сургутском диалекте хантыйского языка ограниченного круга глаголов, употребляющихся исключительно или преимущественно в формах страдательного залога:

(12) *Кат йуӄӄән йӑвән ӄӧ̆вит ноптӆиӽән* [ПМА].
кат йуӄ=ӄән=∅ йӑвән ӄӧ̆вит нопт=ӆ=и=ӽән
два дерево=DU=NOM река по плыть=NPST=PASS=3DU
'Два дерева плывут по реке.'

Общая характеристика этих типов пассива приведена в Таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление типов пассива

<table>
<tr><th>Вид пассива</th><th>Субъект</th><th>Несубъектный компонент</th><th>Согласование глагола</th><th>Отмечено в реализациях ТСС</th></tr>
<tr><td>Безличный пассив</td><td>не выражен эксплицитно</td><td rowspan="2">необязателен, маркирован аналогично активной конструкции</td><td>нет, употребляется форма 3SG</td><td>бытия и движения</td></tr>
<tr><td>Лексический пассив</td><td rowspan="2">маркирован именительным падежом</td><td>с субъектом</td><td>движения</td></tr>
<tr><td>Стандартный пассив</td><td>обязателен, маркирован именительным падежом</td><td>с несубъектным компонентом</td><td>движения и перемещения</td></tr>
</table>

Также отмечено употребление страдательного залога в ряде устойчивых построений с темпоральной семантикой, которые вследствие их замкнутости мы не рассматриваем как системный способ варьирования этих ТСС.

Вариант (IV) обусловлен возможностью выражения пространственных отношений синтаксическим построением, состоящим из двух эксплицитных компонентов (субъекта и локализатора), в котором локализатор согласуется по числу с субъектом:

(13) *Кӱрӽәӆам нӧ̆ӄнамӽән* [Чепреги 2015: 9].
кӱр=ӽәӆ=ам=∅ нӧ̆ӄ=нам=ӽән
нога=POSSM.DU=POSSR.1SG=NOM верх=APPRX=DU
'Ноги мои наверху' [Там же: 63].

(14) *jɐːɣ əjnɐm tottit* [OUDB].
йаӽ=∅ әйнам тӧ̆тты=т
люди=NOM все там=PL
'к шестому дому пришёл – дом полон, люди все там.'

Параграф 2.4 посвящен систематизации способов выражения локализатора. Особое внимание уделено соотношению между структурой локализатора и обозначаемыми им аспектами пространственной ситуации.

На основании категориальных критериев противопоставлены два типа локализаторов: именная и наречная группа. В именной группе два аспекта пространственной ситуации выражены эксплицитно в виде двух структурно-содержательных компонентов: опора локализации обозначена существительным или местоимением с их определителями, а характер пространственного отношения – специализированными средствами (падеж или послелог). Представленные в сургутском диалекте хантыйского языка падежи с первичной пространственной семантикой (местный, направительный, общенаправительный, исходный) обозначают динамику пространственного отношения:

(15) *…ӯрт ӈотнам саҳәлтә мустәӆ* [Айпин 2003б: 64].
ӧрт **ӈот=нам** саҳәӆ=тә муст=әӆ=∅
хозяин **дом=APPRX** бежать=NP быть_нужным=NPST=SUBJ.3PL
‘[Если нападёт на тебя какая –] надо всегда бежать к дому хозяина’ [Айпин 1986: 225].

(16) *…Вурӈи морты мәҳи йӯҳәт* [Айпин 2003б: 31].
вурӈи=∅ морты **мәӽ=и** йӧвәт=∅
ворона=NOM южный **земля=ABL** прийти=SUBJ.3SG
‘…Ворона вернулась из теплых краев…’ [Айпин 1986: 203].

(17) *…нӯӈ ту лэки йӯва!* [Чепреги 2015: 6].
нӯӈ=∅ чу **лэк=и** йӯв=а
ты=NOM тот **дорога=ABL** идти=IMP.2SG
‘…по тому следу приходи!’ [Там же: 60].

В качестве примеров падежных именных групп в местном и направительном падеже с роли локализатора см. (1)–(3).

Более детальная характеризация пространственных отношений достигается при использовании послелогов. В сургутском диалекте хантыйского языка выделяется ряд серийных послелогов, состоящих из корня, обозначающего тип локализации, и аффиксов, эквивалентных по форме и функциям падежным. Так, послелоги, образованные от *өвты* ‘верх’, обозначают расположение на поверхности предмета (суперлокацию) в сочетании с разными видами динамики:

(18) *Кэр ӧвтынә пӧӆьтьи путәли омәсӆ* [Чепреги 2015: 6].
кэр **ӧвты=нә** пӧӆчи пут=әли=∅ омәс=ӆ=∅
печь **верх=LOC** жир горшок=DIM=NOM сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘В печке – горшок с жиром вытопленным’ [Чепреги 2015: 59].
‘На печке стоит горшок с жиром’ (перевод ИМП).

(19) *…кэр өҳтыйа пӧнҳиӆа…* [Три мудрых совета 2020: 3].
кэр **өҳтый=а** пӧн=ҳиӆ=а
печь **верх=LAT** класть=MULT=SUBJ.3SG
‘…ты их на печку клади…’ [Там же: 7].

(20) *Микуль йәмат сӱйӆәх-кәйӆәх пӧй өҳтыйи мән* [Айпин 2003б: 31].
Микуль=∅ йәмат сӱй=ӆәҳ-кәй=ӆәҳ пӧй **өҳтый=и** мән=∅
PN=NOM очень шум=ABESS-шум=ABESS наст **верх=ABL** идти=SUBJ.3SG
‘Микуль бесшумно мчался по насту’ [Айпин 1986: 155].

Несерийные послелоги обозначают более сложные пространственные ситуации, например возникновение или поддержание пространственного отношения в процессе движения: *ӷӗвит* ‘(двигаться) вдоль’, *ӑӆәпты* ‘(двигаться) через, поверх’, *пыри* ‘(двигаться) за’:

(21) [*Ӷӑнтәк ӷөнә көтәӈты төйтаӆнә –*] *нӳӈ пырены әнтә йӳӆ* [Айпин 2003б: 64].
нӳӈ **пыр=эн=ы** әнтә йӳ=ӆ=∅
ты **за=2SG=ABL** NEG идти=NPST=SUBJ.3SG
‘Пока он под присмотром человека – за тобой не погонится’ [Айпин 1986: 225].

Наречные группы, в отличие от именных, не обозначают опору локализации непосредственно, а задают представление о ее типе, дополняемое контекстом (например, *ййӈән* ‘внутри’ предполагает выбор в качестве опоры локализации представленное в предметном контексте строение). В сургутском диалекте хантыйского языка распространены серийные наречия, в структуре которых динамический аспект отношения выражается серией формантов, в ряде случаев близких к падежным: *ыӆнам* ‘(двигаться) вниз’, *ыӆән* ‘(находиться) внизу’, *ыӆта* ‘(двигаться) снизу’. В систему таких наречий закономерно встраиваются однокоренные превербы типа *ыӆ(ә)* ‘(переместиться) вниз’, которые при употреблении в первичном пространственном значении обозначают разновидность динамики, характеризующуюся достижением опоры:

(22) *әj łɐ:tnə torrəm ш:łnɐm łe:әłәł* [OUDB].
әй ӆат=нә тӧрәм=∅ **ыӆ=нам** ӆэйәӆ=әӆ=∅
один время=LOC PN=NOM **низ=APPRX** смотреть=NPST=SUBJ.3SG
‘Однажды смотрит Торум вниз.’

(23) [*Әй мәта ӆатнә*] *уӽәӆ ыӆә äсәӆтәӽ…* [Айпин 2003а: 35].
уӽ=әӆ=∅ **ыӆә** äсәӆ=тәӽ
голова.POSSM.SG=POSSR.3SG=NOM **низ** пустить=OBJ.SG.SUBJ.3DU
‘[Наконец] лосиха опустила тяжелую голову…’ [Айпин 1986: 157].

Сходную организацию имеет и система местоимений-наречий, например: *тӗт(ты)* ‘там’, *тӗӆ (соӽит)* // *тӗӆиӆта* ‘оттуда’, *тӗӽә* ‘(переместиться) туда’, *тӗӽ(ә)нам* ‘(двигаться) туда’.

Кроме того, отмечена возможность совмещения в одном высказывании нескольких локализаторов, которое обеспечивает разделение между ними определённых семантических или коммуникативных функций.

Параграф 2.5 посвящен характеристике предиката как компонента бытийно-пространственных ТСС. Отмечено употребление в этой роли широкого круга глаголов как пространственной, так и непространственной семантики. В составе бытийной ТСС частотными являются полифункциональный глагол *вӑӆта* // *вӗӆта* ‘быть’, не имеющей специфической пространственной семантики, и глаголы, характеризующие статическое состояние субъекта локализации (*ӑӆта* // *ӧӆта* ‘лежать’, *омәста* ‘сидеть’). В ТСС движения выделена серия базовых глаголов, обозначающих движение в наименее конкретизированном виде (*йӗвәтта* ‘прийти’,

мәнта ‘идти’, *йӑӈӄ(иӆ)та* ‘ходить’, *йӳта* ‘идти’), и широкий круг глаголов, в семантику которых инкорпорировано представление о способе движения, типах опор локализации, по отношению к которым развивается движение, и состоянии, в которое попадает субъект в результате движения (*нӳрәхтәта* ‘бежать’, *ваӈкта* ‘ползти’, *ӆӑӈта* ‘входить’, *ӆывәтта* ‘выходить’, *ӄуӈәтта* ‘залезть’, *ымәӆта* ‘сесть’). Глаголы, употребляемые в ТСС перемещения, обозначают разнотипные отношения, складывающиеся между субъектом и объектом в период их взаимодействия и связанного с ним движения (*вәта* ‘брать’, *катәӆта* ‘держать’, *тута* ‘носить’, *йӑвәтта* ‘бросать’, *пӑнта* ‘класть’, *мәта* ‘давать’).

В **параграфе 2.6** приводится краткая характеристика непространственных реализаций бытийно-пространственных ТСС. Отмечено употребление широкого круга сформированных на их базисе предложений с непространственной семантикой: обозначающих начало или прекращение существования предмета, распространение звуков и запахов, воздействие природных сил, обладание, характеризацию, направление жеста или взгляда, мыслительной деятельности и эмоции, бенефицианта действия, а также имеющих темпоральное и оценочное значение.

В **параграфе 2.7** бытийно-пространственные ТСС сургутского диалекта хантыйского языка рассматриваются в перспективе типологии средств выражения пространственных значений, разработанной Л. Талми. В то время как состав семантических компонентов, включенных в семантику глагольного корня, характерен для языков сателлитного типа, спецификой выражения пространственных значений в сургутском диалекте хантыйского языка является то, что функция передачи значения *маршрута*, в языках сателлитного типа выполняемая глагольными сателлитами, в сургутском диалекте хантыйского языка чаще всего ложится на локализатор. По этой причине при анализе способов выражения пространственных ситуаций в сургутском диалекте хантыйского языка более подходящей является альтернативная версия типологии Л. Талми, предложенная Й. Мацумото, в соответствии с которой сургутский диалект хантыйского языка относится к языкам с *непредикатным* (англ. *nonhead*) способом выражением маршрута. При анализе устройства локализатора отмечена закономерность, связанная с тенденцией к раздельному выражению двух семантических компонентов, относимых к *маршруту*: типа локализации (корень наречия или послелога) и типа динамики отношения (серия специальных аффиксов). Сопоставление с материалами кетского языка обнаруживает общие тенденции, связанные с сателлитным выражением *маршрута* и низкой ориентированностью на выражение *способа*.

Глава 3 «Коммуникативная парадигматика бытийно-пространственных типовых синтаксических структур сургутского диалекта хантыйского языка» посвящена анализу коммуникативной вариативной рассматриваемых ТСС.

В **параграфе 3.1** изложены применяемые в работе принципы описания плана содержания коммуникативной структуры. В основе используемого метода лежит выделение устойчивых воспроизводимых типов высказываний, выбор которых обусловлен представлениями участников коммуникации об обозначаемой

высказыванием ситуации, задействованных в ней предметах и их роли в ситуации. В качестве базовой используется предложенная П. Адамецом классификация, основанная на двух противопоставлениях: (1) общие – частные, (2) информативные – верификативные высказывания. Каждый из этих типов подвергается дальнейшей классификации в зависимости от набора семантических компонентов, в отношении которых осуществляется информирование или верификация. Совокупность таких факторов позволяет рассматривать коммуникативную организацию любого высказывания как определенную реализуемым в нем типом.

Четыре последующих параграфа посвящены анализу отдельных аспектов варьирования ТСС, которые мы рассматриваем как составляющие план выражения коммуникативной структуры: способы выражения отдельных компонентов ТСС, порядок составляющих, фразовая интонация и конструктивное варьирование.

В **параграфе 3.2** рассматривается порядок составляющих как компонент парадигматики бытийно-пространственных ТСС. Хантыйский традиционно описывается как типичный язык с порядком составляющих SOV и фиксированной финальной позицией предиката, а общие принципы вариативности его порядка составляющих – как соответствующие характерной для языков этого типа стратегии помещения рематического компонента высказывания в предпредикатную позицию. Проведенный анализ порядка составляющих в рассматриваемой выборке подтверждает эти закономерности.

Выявлены четыре случая, в которых наблюдается статистически значимое противопоставление разных вариантов порядка составляющих при совпадающем наборе эксплицитных компонентов:

(I) S LOC PR // LOC S PR (для бытийной ТСС и ТСС движения);

(II) S OB LOC PR // S LOC OB PR // OB S LOC PR (для ТСС перемещения);

(III) OB LOC PR // LOC OB PR (для ТСС перемещения с эллипсисом S);

(IV) S LOC // LOC S (для бытийной ТСС с эллипсисом PR).

Выбор одного из вариантов в оппозициях I–III, как правило, подчиняется общей закономерности. При вхождении одного из предметных компонентов (S, LOC или OB) в состав ремы предпочтительным является употребление варианта с его предпредикатным позиционированием:

(24) [Девочка-оленёнок спрашивает у матери-оленихи: «Кто живёт в доме?».]
Ӄотнə ӄăнтəӽ яӽ вөԓԓəт [Айпин 2003б: 62].
ӄот=нə ӄăнтəӽ йаӽ=∅ вŏԓ=ԓ=əт
дом=LOC люди=NOM жить=NPST=SUBJ.3PL
‘В доме люди живут’ [Айпин 1986: 223]. (Кто живет в доме?)

(25) [Гость отказывается лечь спать на приготовленное для него хозяином место, чтобы выяснить, кто ходит ночью по дому.]
Ма өӽпи нəкəлнам ăԓинтԓəм, [*əнтə воӽəм мойəԓтə ӄө мăнҷҷаӽə*] [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 180].
ма=∅ өӽпи нəкəл=нам ăԓ=инт=ԓ=əм
я=NOM дверь порог=APPRX лечь=ASP=NPST=SUBJ.1SG
‘Я к дверному порогу лягу, [незваного гостя ожидать].’ (Где ляжет гость?)

(26) [Рассказчик задаётся вопросом: «Но кого позвать на пир [приношение]?»]
Тӗрəм ӷапəт пăӿ вуӿи [Чепреги 2015: 9].
тӗрəм ӷапəт пăӿ=∅ вуӿ=и=∅
PN семь сын=NOM звать=PASS=3SG
‘Я позвал семь сыновей бога Торума’ [Там же: 63]. (Кого позвал рассказчик?)

Исключение составляют примеры помещения тематических LOC в позицию между PR и рематическим S или OB, которые наиболее частотно наблюдаются при LOC, выраженных непрототипическим способом (наречной группой или именной группой с местоимением в вершине):

(27) … [*сарнам ӷэйəӷ,*] *тьăӄа əй ӄот тӗт омəсӷ* [Чепреги 2015: 10].
чăӄа əй ӄот=∅ тӗт омəс=ӷ=∅
PRTCL один дом=NOM там сидеть=NPST=SUBJ.3SG
‘Посмотрела она вперед: дом там стоял, дом такой’ [Там же: 64].
‘[Посмотрела вперед]: там стоит один дом’ (перевод ИМП). (Что стоит впереди?)

(28) [*Тьу омəстиннə əй ӷатнə*] *вурӈи тӗӿə йӧвəт* [Голоса Югана 2021: 114].
вурӈи=∅ тӗӿə йӗвəт=∅
ворона=NOM туда прийти=SUBJ.3SG
‘Раз как-то ворона к ним прилетела, пока они так сидели.’
‘[Пока они так сидели,] туда (к ним) прилетела ворона’ (перевод ИМП). (Что с ними произошло?)

(29) [Звери обсуждают, как можно победить *Карəс-ики*.]
Панə мыш тӗвəнам киты. [Чепреги 2015: 50].
панə мыш=∅ тӗвə=нам кит=ы=∅
CONJ мышь=NOM туда=APPRX послать=PASS=3SG
‘И послали туда мышь’ [Там же: 105]. (Кого туда послали?)

Если в состав темы высказывания попадает несколько компонентов, то их порядок вариативен, хотя наблюдается тенденция к следованию компонентов в соответствии с иерархией, обусловленной их семантическими свойствами (S > OB > LOC).

Выбор порядка составляющих OB S LOC PR характерен для высказываний, первичной темой которых является объект (*Что происходит с OB?*):

(30) *Њуӷəӷ əнəӷ чӗрас ӄө äвинə нӗӄ вəйи* [Чепреги 2015: 51].
њуӷ=əӷ=∅ əнəӷ чӗрас ӄө äви=нə
стрела.POSSM.SG=POSSR.3SG=NOM большой тысяча мужчина дочь=LOC
нӗӄ вəй=и=∅
вверх брать=PASS=3SG
‘Стрелу дочь зажиточного купца подняла’ [Там же: 106]. (Что произошло со стрелой? Кто поднял стрелу?)

Спецификой оппозиции IV является отсутствие эксплицитного предиката, вследствие этого рематической оказывается финальная позиция:

(31) *Ыӷ пäлкəӷнə ăвӷəт* [Айпин 2003б: 62].
ыӷ пäлк=əӷ=нə ăвӷ=əт=∅
низ сторона=3SG=LOC нарты=PL=NOM
‘Под ним стоят нарты’ [Айпин 1986: 224]. (Для чего нужен навес?)

(32) *Пупи тәт ҕөтта ваннә* [Айпин 2003: 57].
пупи=∅ тәт ҕөтта ван=нә
медведь=NOM здесь где-то близко=LOC
‘Медведь где-то тут’ [Айпин 1986: 174]. (Где находится медведь?)

В реализациях этой оппозиции также отмечены исключения при выражении локализатора местоимением-наречием, в которых рематическим является инициальный компонент:

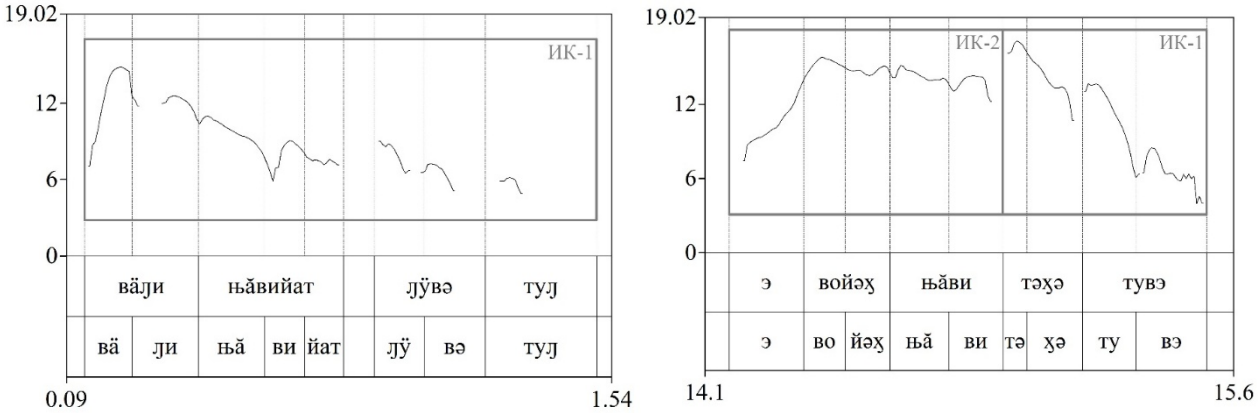
(33) [Мужчина заходит в новый дом, обнаруженный им на месте старого.]
[*Йӑҕә ӷӑӈ,*] *ҕөӷәм лөҕи тӗт* [Три мудрых совета 2020: 6].
ҕөӷәм лөҕи=∅ тӗт
три комната=NOM там
‘[В дом зашел,] там три комнаты’ [Там же: 9]. (Что находится в доме?)

(34) *Вот ҷетты Тыӷәс ики амп* – [*ҕычәмпыр ванна ҕөс*] [Айпин 2003б: 100].
вот тәтты тыӷәс ики амп=∅
вот здесь месяц старик собака=NOM
‘Вот это и есть Собака Месяца [– самая ближайшая к Старику звезда]’ [Айпин 1986: 246].
‘Вот здесь собака месяца-старика [– ближайшая к нему звезда]’ (перевод ИМП). (Где находится собака месяца-старика?)

В **параграфе 3.3** охарактеризовано участие фразовой интонации в формировании коммуникативной структуры высказывания. Предложено описание интонационной системы сургутского диалекта хантыйского языка в виде серии интонационных конструкций (ИК), характеризующихся значимым движением тона. Центральное значение при описании интонационной структуры высказывания имеет ИК-1, характеризующаяся локальным подъемом тона на первом слоге и его последующим нисходящим движением. ИК-1, как правило, охватывает часть высказывания от первого компонента ремы до конца. Соответственно, позиция локального максимума тона ИК-1 выступает в качестве маркера границы между его тематическим и рематическим сегментом. Ср., например, движение тона в (35) и (36).

(35) *Вӓӷи њӑвийат ӷӱвә туӷ* [Три мудрых совета 2020: 19].
вӓӷи њӑвий=ат ӷӱвә ту=ӷ=∅
олень мясо=INSTR PRTCL.CONJ приносить=NPST=SUBJ.3SG
‘Пусть оленины принесет’ [Там же: 21]. (Что нужно сделать?)

(36) *…войәҳ њӑви тәҳә тувэ* [Три мудрых совета 2020: 19].
войәҳ њӑви=∅ тәҳә тув=э
зверь мясо=NOM сюда приносить=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
‘…лосиное мясо сюда принеси’ [Там же: 20]. (Что нужно сделать с мясом добытого лося?)



Закономерное маркирование рематических составляющих высказывания тональным акцентом прослеживается в ряде языков западносибирского ареала и может рассматриваться как их типологически общая черта.

Параграф 3.4 посвящён анализу употребления конструктивных вариантов бытийно-пространственных ТСС в коммуникативной перспективе. Рассмотрены три направления конструктивного варьирования: (I) тип спряжения; (II) залог и (III) стратегия маркирования локализатора и объекта. Так как употребление ряда залоговых вариантов в (II) обусловлено семантическими факторами, как собственно коммуникативный вариант рассматривается только стандартный пассив, см. примеры (7)–(9) на с. 11. Каждый тип варьирования описан как противопоставление двух вариантов, называемых *основным* (более частотный тип конструкции, принципы организации которой совпадают во всех ТСС) и *маркированным* (более редкий, функционирование которого ограничено только частью ТСС). Распределение этих вариантов и их дифференциальных признаков, репрезентированных затрагиваемым варьированием фрагментом ТСС, представлено в Таблице 2.

Таблица 2

Коммуникативно релевантные конструктивные варианты бытийно-пространственных ТСС

Основание оппозиции	**Актуально для ТСС**	**Дифференциальные признаки конструктивных вариантов**	
		Основного	**Маркированного**
(I) Тип спряжения	перемещения	$PR_{ACT.SUBJ}$	$PR_{ACT.OBJ}$
(II) Залог	движения	S_{NOM} $LOC_{DAT\text{-}LAT}$ PR_{ACT}	S_{LOC} LOC_{NOM} PR_{PASS}
	перемещения	S_{NOM} OB_{ACC} PR_{ACT}	S_{LOC} OB_{NOM} PR_{PASS}
(III) Стратегия маркирования LOC и OB	перемещения	OB_{ACC} $LOC_{DAT\text{-}LAT}$	OB_{INSTR} LOC_{ACC}

Во всех оппозициях употребление маркированного варианта может рассматриваться как мотивированное коммуникативными факторами, что подтверждает выводы, сделанные предшествующими исследователями.

Маркированные варианты оппозиций I и II встречаются в контекстах, предполагающих контекстуальную предопределенность предметных компонентов ситуации: в I – объекта (37), в II – объекта (38) или локализатора (39) в зависимости от типа ТСС:

(37) [Мать просит детей принести воды, дети перекладывают ответственность с одного на другого.]
Нӱӈ туӽэ [Детские сказки варьёганских ханты 2006: 6].
нӱӈ=∅ туӽ=э
ты=NOM нести=IMP.SUBJ.2SG.OBJ.SG
‘Ты принеси’ [Там же: 7]. (Кто должен принести **воду**?)

(38) *Мәӈнә ӌи ӄуӆәлит аныӆат*… [Айпин 2003б: 34].
мәӈ=нә чи ӄуӆ=әли=т=∅ аны=ӆ=ат
мы.PL=LOC тот рыба=DIM=PL=NOM собирать=NPST=PASS.3PL
‘Мы эту рыбу собираем…’ (перевод ИМП). (Что происходит **с рыбой**?)

(39) [*Ма вӓӆтыпема кӱӌ мәнәм,*] *йӓӈк ӆөнт питы* [Сказки, рассказы с реки Лямы 2013: 195].
йӓӈк ӆөнт=∅ пит=ы=∅
лёд гусь=NOM попасть=PASS=3SG
‘[Я на ловушку (свою) когда пришёл,] белый гусь попался.’
‘[Когда я подошёл к моей ловушке,] (в ловушку) попал белый гусь’ (перевод ИМП). (Что произошло **с ловушкой**? Кто попал **в ловушку**?)

Маркированный член оппозиции III употребляется в контекстах, в которых объект входит в состав ремы высказывания:

(40) *Имиӆ тӱвәт юӽат пӧн* [*панә оӈтәӄсәта раӈипәӽ*] [Айпин 2003а: 27].
ими=ӆ=∅ тӱв=әт йуӽ=ат пӧн=∅
женщина=POSSR.3SG=NOM огонь=PL дерево=INSTR положить=SUBJ.3SG
‘Жена подложила дров в огонь [и принялась за шитье]’ [Айпин 1986: 151]. (Что сделала жена?)

Значимость конструктивных вариантов как элемента коммуникативной системы ограничена рядом факторов. Во-первых, рассматриваемые оппозиции актуальны только для части бытийно-пространственных ТСС или отдельных направлений их реализации. Так, применимость II для ТСС движения и III для ТСС перемещения ограничены тем, что их маркированные варианты совместимы только с определёнными прототипическими типами пространственной локализации (в первую очередь движением по направлению к локализатору) и способом выражения локализатора (падежные именные группы).

Во-вторых, употребление маркированных членов оппозиций I и II имеет, по всей видимости, факультативный характер, что выражается в том, что контекстуальная предопределенность предметных компонентов ситуации только в части примеров влечет за собой употребление маркированного члена оппозиции, что может быть обусловлено более комплексными факторами, такими как общая стратегия построения текста.

В-третьих, сопоставление употребления конструктивных и линейно-интонационных вариантов показывает их взаимосвязанность. С одной стороны, варианты типа III формируют оппозицию по признаку рематичности ОВ, которая пересекается с аналогичной линейно-интонационной оппозицией (S OB LOC PR // S LOC OB PR), и потому эти признаки закономерно имеют сходное распределение. Таким образом, рематичность ОВ в ТСС перемещения выражается одновременно его помещением в предпредикатную позицию и маркированием творительным падежом. Большая ограниченность употребления маркированного конструктивного варианта позволяет рассматривать конструктивную оппозицию как вторичную по отношению к линейно-интонационной. Употребление вариантов I и II не зависит от коммуникативной роли соответствующих предметных компонентов, которые могут входить как в рему, так и в тему высказывания, и потому ожидаемо сочетаются с разными типами линейно-интонационных вариантов, представляя параллельное ему направление варьирования.

В **параграфе 3.5** рассмотрены отдельные аспекты устройства компонентов ТСС, релевантные для их коммуникативного анализа: нулевая анафора как способ выражения тематических компонентов, специфика употребления именных и наречных локализаторов, коммуникативная значимость некоторых входящих в состав компонентов определителей и служебных слов, а также способов выражения негации. Отдельное внимание уделено употреблению двух вариантов указательных местоимений-наречий со статической семантикой (*тәт* // *тәтты* ‘тут’, *төт* // *төтты* ‘там’), второй из которых рассматривается как способ маркирования рематичности локализатора в высказываниях без эксплицитного выражения предиката:

(41) [Внук боится, что кто-то мог его съесть во время ночёвки в лесу, поэтому проверяет целостность частей тела.]
[*Панә ӆўват кәлхәӆтәӆ: кәтам – та-а,*] *кәтам тәтты* [Три мудрых совета 2020: 11].
кәт=ам=∅ тәтты
рука=POSSR.1SG=NOM здесь
‘[Ощупывает себя: рука – вот,] рука на месте’ [Три мудрых совета 2020: 13]. (На месте ли рука?)

(42) [Девочка-оленёнок спрашивает у матери-оленихи: «Что находится в амбаре?».]
Тут арпәкәт сӑвнәт, кўцмәт, ӷурит, вуньҷәпәт [Айпин 2003б: 63].
төт арпәкәт сӑвн=әт=∅ кўцм=әт=∅ ӷури=т=∅ вуньҷәп=әт=∅
там разные куженька=PL=NOM туесок=PL=NOM корыто=PL=NOM набирка=PL=NOM
‘Там всякие куженьки, туески, корыта, набирки’ [Айпин 1986: 224]. (Что находится в амбаре?)

В **параграфе 3.6** предлагается обобщение сделанных в предшествующих параграфах наблюдений в форме системы коммуникативных вариантов (КВ) бытийно-пространственных ТСС. Взаимодействие порядка составляющих и фразовой интонации позволяет говорить о единой комплексной *линейно-интонационной структуре* высказывания, варианты которой обусловлены выде-

лением одного из компонентов ТСС, образующего центр ремы. Совокупность таких вариантов является общей для рассматриваемых ТСС и представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Коммуникативные варианты бытийно-пространственных ТСС, обусловленные линейно-интонационной структурой [4]

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	[S OB] LOC* PR	LOC
$КВ_2$	$КВ_2$	[OB LOC] S* PR	S
	$КВ_2'$	[OB] S* [LOC] PR	
$КВ_3$	$КВ_3$	[S LOC] OB* PR	OB
	$КВ_3'$	[S] OB* [LOC] PR	
$КВ_4$	$КВ_4$	[S OB LOC] PR*	PR

В составе парадигм всех трех ТСС (см. Таблицы 4–6) прослеживаются вторичные оппозиции, образуемые КВ со сходным выбором центрального компонента ремы. В основе таких оппозиций лежит либо употребление альтернативных вариантов порядка составляющих, отмеченных символом «штрих» («′»), либо специфические для каждой ТСС конструктивные варианты. Оппозиции первого типа ($КВ_2$ // $КВ_2'$ и $КВ_3$ // $КВ_3'$) носят ограниченный характер, так как $КВ_2'$ и $КВ_3'$ наблюдаются в реализациях с определёнными способами выражения локализатора (наречная группа или именная группа с местоимением в вершине), которые мы относим к непрототипическим. Выбор между этими вариантами может рассматриваться как относительно свободный, так как их реализации фиксируются в сходных коммуникативных условиях, а возможность употребления $КВ_2'$ и $КВ_3'$ – как потенциально обусловленная специфическим коммуникативным статусом таких локализаторов.

Таблица 4

Коммуникативные варианты бытийной ТСС

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	[S_{NOM}] LOC* PR	LOC
	$КВ_1^{\emptyset}$	[S_{NOM}] LOC_{REL}*	
	$КВ_1^{\emptyset'}$	LOC_{REL}* [S_{NOM}]	

[4] Символом «звездочка» (*) отмечается позиция локального максимума тона ИК-1; символом «штрих» («′») – альтернативные варианты порядка составляющих; символом «пустое множество» (∅) – варианты, в структуре которых отсутствует имплицитно выраженная позиция предиката.

$КВ_2$	$КВ_2$	[LOC] S_{NOM}* PR	S
	$КВ_2'$	S_{NOM}* [LOC] PR	
	$КВ_2^{\emptyset}$	[LOC_{REL}] S_{NOM}*	
	$КВ_2^{\emptyset'}$	S_{NOM}* [LOC_{REL}]	
$КВ_4$	$КВ_4$	[S_{NOM} LOC] PR*	PR

Таблица 5

Коммуникативные варианты ТСС движения

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	[S_{NOM}] LOC* PR_{ACT}	LOC
$КВ_2$	$КВ_2$	[LOC] S_{NOM}* PR_{ACT}	S
	$КВ_2'$	S_{NOM}* [LOC] PR_{ACT}	
	$КВ_2^{PASS}$	[LOC_{NOM}] S_{LOC}* PR_{PASS}	
$КВ_4$	$КВ_4$	[S_{NOM} LOC] PR_{ACT}*	PR
	$КВ_4^{PASS}$	[S_{LOC} LOC_{NOM}] PR_{PASS}*	

Таблица 6

Коммуникативные варианты ТСС перемещения

Группа вариантов	Вариант	Схема	Центр ремы
$КВ_1$	$КВ_1$	[S_{NOM} OB_{ACC}] LOC* PR_{ACT}	LOC
	$КВ_1^{OBJ}$	[S_{NOM} OB_{ACC}] LOC* $PR_{ACT.OBJ}$	
	$КВ_1^{PASS}$	[S_{LOC} OB_{NOM}] LOC* PR_{PASS}	
$КВ_2$	$КВ_2'$	[OB_{ACC}] S_{NOM}* [LOC] PR_{ACT}	S
	$КВ_2^{PASS,}$	[OB_{NOM}] S_{LOC}* [LOC] PR_{PASS}	
$КВ_3$	$КВ_3$	[S_{NOM} LOC] OB_{ACC}* PR_{ACT}	OB
	$КВ_3'$	[S_{NOM}] OB_{ACC}* [LOC] PR_{ACT}	
	$КВ_3^{PASS,}$	[S_{LOC}] OB_{NOM}* [LOC] PR_{PASS}	
	$КВ_3^{INSTR}$	[S_{NOM} LOC_{ACC}] OB_{INSTR}* PR_{ACT}	
	$КВ_3^{INSTR+PASS}$	[S_{LOC} LOC_{NOM}] OB_{INSTR}* PR_{PASS}	
$КВ_4$	$КВ_4$	[S_{NOM} OB_{ACC} LOC] PR_{ACT}*	PR
	$КВ_4^{OBJ}$	[S_{NOM} OB_{ACC} LOC] $PR_{ACT.OBJ}$*	
	$КВ_4^{INSTR}$	[S_{NOM} LOC_{ACC}] OB_{INSTR} PR_{ACT}*	
	$КВ_4^{INSTR+PASS}$	[S_{LOC} LOC_{NOM}] OB_{INSTR} PR_{PASS}*	

Употребление конструктивных вариантов рассматривается как вторичный способ коммуникативного варьирования, так как они ограничены структурно-

семантическими факторами и не являются обязательным условием для построения высказывания с определенным коммуникативным устройством. Кроме того, отмечено широкое пересечение таких оппозиций с оппозициями, заданными линейно-интонационными средствами.

В **параграфе 3.7** предлагается интерпретация рассмотренной коммуникативной системы в типологической перспективе, определенной классификацией коммуникативных систем Р. Ван Валина. Представленная коммуникативная система характеризуется широким использованием варьирования порядка составляющих как средства выражения значимых оппозиций, что однозначно характеризует её как систему с подвижным порядком составляющих.

Спецификой сургутского диалекта хантыйского языка по сравнению с более типичными языками, традиционно используемыми как репрезентанты этого типа, является ограниченность варьирования порядка составляющих, связанная с финальной позицией предиката. Этот признак сочетается с ограниченной областью реализации ремы, которая охватывает предикат и предшествующий ему компонент, с дополнительным исключением, которое учитывает возможность помещения между ними некоторых типов локализаторов. В результате этого исключения ограниченность коммуникативного устройства высказывания в сургутском диалекте хантыйского языка выражается более мягко, чем в других языках сходного типа.

Таким образом, рассматриваемая коммуникативная система может быть охарактеризована как система переходного типа, в которой преобладают черты типа с подвижным порядком составляющих и ограниченной областью ремы. Это определяет оценку порядка составляющих как центрального средства коммуникативного варьирования, что контрастирует с предшествующими оценками, отводящими такую роль конструктивным средствам варьирования. Наличие сходных признаков в других диалектах хантыйского языка и в ряде других географически близких, но генетически разнородных языков позволяет рассматривать коммуникативную систему сургутского диалекта хантыйского языка как репрезентирующую один из устойчивых типов коммуникативных систем, распространённых в западносибирском ареале.

В **Заключении** приведено обобщение сделанных в работе выводов, характеризующее общность бытийно-пространственных ТСС в структурном, семантическом и коммуникативном аспектах их функционирования. Намечены перспективы исследования, связанные с возможностью сопоставления коммуникативной парадигматики рассматриваемых ТСС с другими ТСС, анализа периферийных аспектов их функционирования с привлечением большего объема данных и распространением предложенных подходов исследования на материалы других языков Сибири.

Публикации по теме диссертации

По теме диссертации опубликовано пять статей общим объёмом 5,6 п. л., в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций, и в журналах, входящих в международные базы данных.

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК и входящих в базы данных WoS и Scopus

Плотников, И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка / И. М. Плотников // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2021. – № 2 (Вып. 42). – С. 25–43 (2,375 п. л.; РИНЦ, Scopus).

Плотников, И. М. Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 269–285 (1,06 п. л.; РИНЦ, ВАК, Scopus).

Плотников, И. М. Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 207–222 (1 п. л.; РИНЦ, ВАК, Scopus).

Плотников, И. М. Существование как компонент семантики и коммуникативной парадигматики бытийных предложений / И. М. Плотников // Критика и семиотика. – 2024. – № 1. – С. 337–360 (1,5 п. л.; РИНЦ, Scopus).

Плотников, И. М. Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных типовых синтаксических структур сургутского диалекта хантыйского языка в типологической перспективе / И. М. Плотников // Филология: научные исследования. – 2025. – № 8. – С. 190–202 (0,93 п. л.; РИНЦ, ВАК).

Статьи, опубликованные в материалах международных и всероссийских конференций

Плотников, И. М. Роль интонации в организации фольклорного текста на сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание. Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2021. – С. 181–182 (0,125 п. л.; РИНЦ).

Плотников, И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка / И. М. Плотников // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России. Тезисы всероссийской научной конференции с международным участием. – Новосибирск, 2021. – С. 82–84 (0,19 п. л.; РИНЦ).

Плотников, И. М. Порядок составляющих как часть коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка / И. М. Плотников // МНСК-2022. Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2022. – С. 225–226 (0,25 п. л.; РИНЦ).

Плотников, И. М. Порядок составляющих в бытийных высказываниях с наречием в позиции локализатора в сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание. Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2023. – С. 237–238 (0,25 п. л.; РИНЦ).

Плотников, И. М. Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // XXX Дульзоновские чтения: Сборник тезисов международной научной конференции, Томск, 21–24 сентября 2023 года. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2023. – С. 114–116 (0,375 п. л.).

Плотников, И. М. Конструктивные варианты предложений движения со сказуемым в форме страдательного залога в сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // Четвертая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Санкт-Петербург, 25-27 ноября 2024 г. Сборник тезисов. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2024. – С. 65–67 (0,375 п. л.).

Плотников, И. М. Варьирование порядка составляющих бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в сургутском диалекте хантыйского языка / И. М. Плотников // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: тезисы докладов. – Москва: Институт языкознания РАН, 2025. – С. 862–863 (0,25 п. л.).

Другие публикации

Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной (на сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык) / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук Институт филологии СО РАН; сост. Н. Б. Кошкарева, И. М. Плотников; отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова). – Новосибирск: Гео, 2020. – 24 с. (РИНЦ).

Зарегистрированные базы данных

Текстовая база данных на сургутском диалекте хантыйского языка: «Три мудрых совета». Свидетельство RU 2024621791 от 11.04.2024 / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук Институт филологии СО РАН; И. М. Плотников, Н. Б. Кошкарева (РИНЦ).